

Он не протянул руку. Это не было мягким увещанием. Он просто спросил, потому что ему было любопытно, вот и всё.

— ...

— Если ты ранен, тебе нужно пойти в лазарет. К сожалению, я не знаю, где он находится.

Юран замолчал и, казалось, отказался от быстрого поиска ответа. Человек, который продолжал говорить в одиночестве, был просто другим человеком.

Если бы она была человеком, который издевался над ним до сих пор, она бы подняла шум только потому, что Юран не ответил. До этого никто бы даже не попытался заговорить с Юраном. С ним обращались хуже, чем с животным, и осыпали оскорблениями, которых он не помнил.

— Я не ранен...

— Хм-м?

Люди говорили, что у него странные глаза, что они ненастоящие... и на них слишком противно смотреть.

Это то, что все говорили. Как бы ни утверждал это человек, усыновивший и воспитавший ребёнка, незнакомые люди всегда бросают в него камень. Хотя некоторые из них не оскорбляли его напрямую, их слов, полных презрения, было достаточно, чтобы сломить его разум. Их пристальный взгляд на него был гораздо более обидным, чем у тех, кто прямо оскорблял его.

Неприязнь Юрана к нему и обществу накапливалась вот так. Он хотел выколоть себе глазные яблоки. Если бы он мог, то сделал бы это давным-давно.

Юран не хотел, чтобы его бросали другие. Ни его семья, ни народ. Если бы он мог убрать эти глаза и заполнить глазницу другим цветом, он бы сделал это только для того, чтобы жить счастливо.

Если бы они могли, Юран хотел бы, чтобы они могли вырвать их с корнем.

Он скорее был бы убит, чем лишён всякой привязанности и всеми отвергнут. Он предпочёл бы, чтобы его убили.

Если бы он мог, то никогда бы не захотел родиться и умереть как можно скорее.

Он не хотел этого цвета.

Это не фальшивка и не отвратительно, но он не мог заставить никого понять это.

— Это...

Плечи Юрана невольно вздрогнули от властного голоса. Это было сделано инстинктивно. Он непреднамеренно отреагировал на тон голоса, но это было немного иначе, чем быть напуганным или униженным.

Юран посмотрел на Виолетту, его взгляд был сильным, как будто он пристально смотрел на неё. Но всё же, она не находила это таким страшным... Причина, по которой она не находила это страшным, заключалась в том, что выражение его лица выглядело так, словно он вот-вот заплачет.

Виолетта знала, что его взгляд, устремлённый на неё, был острым не потому, что он смотрел на неё, а потому, что он сдерживал слёзы.

— Человек не может быть никем, кроме самого себя. Нельзя быть чьим-то подражанием.

Медленно, словно проговаривая слова про себя, она сплетает их воедино. Эти слова больно и печально ранили его сердце. От неведомого чувства у него перехватило горло. Это были те слова, которые он всегда хотел услышать.

Ты тот, кто ты есть.

— Ох, ох...

Прежде чем Юран успел опомниться, он обнаружил, что сидит. Виолетта наклонилась, и, наконец, они встретились взглядами, и тогда он впервые понял, что больше не лежит на земле.

Она сказала:

— Я Виолетта. А тебя как зовут?

Я Виолетта.

Эти слова разрушили стены вокруг его сердца.

Имя. Имя. Его имя. Он почти забыл об этом. Он знает, но, похоже, не может сказать об этом

как следует.

Потому что у подделки не было имени. Потому что имя Юран было вымышленным именем. Имя Юран было вымышленным именем для всех, кроме него самого.

Самая драгоценная и нежная часть его слабого сердца. Он больше не хотел, чтобы ему причиняли боль, он не хотел быть запятнанным их оскорблениями, он не хотел, чтобы его отвергали как человека. Он хотел заговорить, но его горло отказывалось издавать ни звука.

Страх и осторожность текли по его крови, чтобы защитить крошечное сердечко маленького Юрана. Единственное место, которое у него осталось для храбрости, превратилось в воспоминание о прошлом.

Что мне делать? Что мне делать?

Чем нетерпеливее он становился, тем труднее было заставить его рот работать. Если он заставит её ждать вечно, то снова превратится в отвратительную тварь. Человек перед ним – Виолетта, которая сказала ему, что он настоящий, – в конце концов, подумает, что он подделка.

Он не хотел плакать, но его глаза горели. Он цеплялся за веру в то, что его не победит никакая злоба, но в тот самый момент он почувствовал, что его решимость будет поколеблена.

Он чувствовал разочарование, горечь и печаль.

Слёзы, накопившиеся за эти годы, переливались через край и падали одна за другой.

— Я не фальшивка, я могу назвать тебе своё имя.

Она засмеялась, засмеялась так, словно распустился цветок.

Несмотря на то, что она выглядела как мальчик и произносила слова, которые звучали как слова мальчика, её улыбка была милой, нежной и красивой.

Девушки сделаны из сахара, специй и чего-то чудесного.

Он мог слышать где-то поющий голос. Он не знал, кто это поёт, но ему казалось, что поёт его мать. Звук её смеха был так же прекрасен, как пение его матери.

Но он даже не мог больше вспомнить её голос, но он узнал фразу, которая осталась в уголке его памяти.

С того момента, как он узнал это, Виолетта стала для Юрана единственной «девушкой» в мире.

— Юран... Юран... Кх...

— Ну что ж, Юран. Сейчас я собираюсь поужинать, не хочешь ли присоединиться ко мне?

— А я могу?

— Я та, кто приглашает тебя ...если ты не возражаешь.

— Я не возражаю... пошли.

Он встал и погнался за Виолеттой, которая шла впереди него. Он был немного меньше своих сверстников, но скорость ходьбы и походка Юрана отличались, и часто расстояние между ними было слишком велико. Но каждый раз она останавливалась и ждала его с улыбкой.

Только немного позже он осознал свою любовь к ней. В то время он просто следовал за ней, как младший брат, который обожал свою старшую сестру. Он думает, что доставлял ей слишком много хлопот и был слишком навязчив с ней. Но позже он понял, что его сердце бессознательно переполнено любовью.

Она была как его сестра, его благодетель, девушка и его бессознательная первая любовь.

Юран просто хотел быть рядом с ней, он хотел быть с ней любым возможным способом, и каждый раз, когда он видел её, он бросался в атаку и становился прилипчивым насекомым. Она улыбнулась и приняла его, но он хотел быть рядом с ней всё больше и больше. Он хотел быть приклеенным к ней, как клей, и никогда не покидать её.

Она ему нравилась, Он любил её, а формой любви Юрана была Виолетта. Он хотел, чтобы она знала и принимала его любовь как можно больше, и это было всё, о чём он мог думать.

Он не хотел подражать кому-то другому в её глазах. И он не хочет, чтобы с ней случилось то же самое. Он хотел видеть её такой, какая она есть, и наоборот.

— Я не хочу быть чьей-то тенью.

Только позже он понял, что она имела в виду под этими словами...